

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ БУДУЩЕГО

(на материале английского языка)

Т. А. Логунов

ON DEVELOPMENT OF MEANS OF EXPRESSING FUTURE

(researched on the material of Modern English)

T. A. Logunov

Комплексная семантика английских средств выражения будущего рассматривается в статье как результат исторического их развития в свете взаимодействия модальной и темпоральной составляющих значения. Ряд специфических функций формы с *will* в современном английском языке демонстрирует переходный характер и незавершенность этого процесса грамматизации на современном этапе.

The paper considers complex semantic character of English means expressing future as an outcome of their historic development in the process of mutual influence of temporal and modal semantic components. A number of specific uses of *will* + *Vinf* reveal some transitional results suggesting incompleteness of grammatization process of the form in Modern English.

Ключевые слова: средства выражения будущего, грамматизация, темпоральность, модальная семантика, историческая динамика языковой системы.

Keywords: means of expressing future actions, grammatization, temporal meaning, modal semantics, historic dynamics of the language.

Историческая динамика языка предполагает качественные изменения его единиц, их содержательное развитие, затрагивающее изменения сразу нескольких уровней языковой системы. Процесс развития языковых категорий обусловлен в значительной степени накоплением внеязыкового опыта и переосмыслением его носителями языка, усложнением их представлений о мире и о себе. Одной из наиболее показательных в этом плане является категория будущего во многих германских языках, формировавшаяся при теснейшем взаимодействии сфер модальности и темпоральности, главным образом, уже в письменную эпоху языка, когда сами представления человека, говорящего о будущем действии как о еще не реализованном, подвергались значительной эволюции.

Еще в рамках концепции Ч. Фриза, развитой позже С. Фляйшман, предполагалось, что выражение будущих действий в истории языка проходит три стадии: «модальную», «темпоральную» и вновь «модальную» при семантической независимости двух модальных стадий. Формы будущего развиваются обычно из модальных или аспектуальных показателей, которые на определенной стадии получают темпоральное значение. Действительно, определенный закрытый ряд идей (желание, надежда, намерение, принятое решение, решимость, вынужденность, необходимость или возможность) является основой для предсказания будущего. Любое слово или форма со значением из этого ряда может быть использована для выражения будущего времени. На втором этапе, как только форма начинает функционировать в качестве будущего времени, она получает модальную окраску, которая может в конце концов вытеснить темпоральное значение формы. Когда слово или сочетание становится специализированным футуральным средством, «акцент смещается с полного лексического значения на выражения идеи будущего. Но теперь средство для выражения будущего может предполагать (в зависимости от окружения и без ограничения перво-

начальных значений) любую из этого ряда идей, которые являются основой предсказания будущего» [9, с. 94 – 95].

Согласно схеме С. Фляйшман, в диахроническом плане существует двусторонняя связь между временем и модальностью: модальные показатели развиваются в грамматические времена, которые, в свою очередь, приобретают новые модальные значения (и с большой вероятностью начинают выполнять модальные функции) [8, с. 16, 23 – 25]. При этом исследователь подчеркивает следующее положение: из какого бы источника не развивались формы будущего, они впоследствии будут двигаться в направлении, указанном в этой схеме, т. е. к развитию определенных модальных значений [8, с. 129].

Таким образом, исторически «исходной» в этом процессе оказывается категория модальности, содержательное развитие которой идет со значительным опережением темпорально-аспектологической категории: «Все то, что не совершено как факт, а имеет лишь стремление к завершенности, не несет в себе точной гарантии своего исполнения, в силу чего оно представляется не столько в плане своей аспектологической характеристики, сколько в плане возможной, желательной, обязательной, но не фактически утвержденной оценки» [4, с. 152 – 153].

Исследователи истории языка отмечают среди основных факторов развития грамматического будущего когнитивный фактор, непосредственно связывая эволюцию грамматических форм с процессом развития абстрактного мышления, с общим процессом познания объективной действительности, а также с распространением христианской парадигмы миропонимания, предполагающей понятия высшего морального долга и воли абсолюта. Абстрагируясь от понятия долженствования, воли, возможности, представляемых ранее как нечто более практическое, материально-конкретное, т. е. отражавшее собственно действие или состояние, человек начал представлять эти понятия как более об-

щие, отвлеченные, выступающие в качестве оценок объективной действительности.

Применительно к истории английского языка данный процесс можно описать следующим образом. В ходе переосмысления более конкретных, предметных значений *sculan* и *willan* сочетания с этими глаголами постепенно развивают значение предсказания. Важным обстоятельством при этом является их сочетаемость с субъектами различного рода, а именно – способность сочетаться с неодушевленными субъектами. И желание, и долженствование требуют обладающего волей одушевленного субъекта-деятеля (agent), поскольку «они предизируют определенные условия для такого субъекта: желание описывает внутренние условия, а долженствование – внешние, социальные условия» [7, с. 112].

Хорошо известно, что описание процесса грамматизации инфинитивных сочетаний с *shall* / *will* представляет собой определенную лингвистическую проблему в силу значительного «разброса» дополнительных значений и функций этих сочетаний, достигающих предела полисемии. И. П. Иванова описывает нынешнее состояние как еще не завершённый процесс: проявление разнообразных дополнительных модальных значений у вспомогательных глаголов будущего времени она объясняет тем, что «процесс стирания этих значений в силу совместимости модального значения со значением будущего протекает весьма медленно» [3, с. 55]. Однако в свете изложенной выше концепции, возможно, не стоит увязывать грамматизацию «*will* + *Vinf*» с освобождением от дополнительных значений и оттенков.

Так, некоторые лингвисты предлагают рассматривать (см., напр., [10]) темпоральные функции современной формы *will* + *Vinf* в единстве с модальными ее оттенками и, более того, предполагают выводимость этих оттенков из значения футуральности. Хотя значение форм будущего времени в конкретных контекстах может варьироваться от чистого фактического утверждения без малейшего следа неопределенности или неуверенности до более умозрительного размышления или прогноза, «во всех этих случаях дополнительные оттенки неопределенности, волеизъявления и т. д. лучше всего рассматривать как неотъемлемое свойство самого значения будущего» [11, с. 39].

Неоднозначная трактовка некоторых частных функций *will* + *Vinf* в лингвистической литературе свидетельствует о проблематичности их отнесения только к разновидностям модального значения. Так, *предписания* реализуются в утвердительных предложениях с подлежащим 2-го лица и наряду с вопросительной формой используются для того, чтобы побудить адресата к действию, поэтому О. Есперсен, а также Ф. Палмер связывали такое употребление с волеитивным *will*. Ч. Бодельсен полагает, что это случай чистого будущего, поскольку действия адресата настолько сильно зависят от говорящего, что приказания последнего должны автоматически исполниться [6, с. 135]. Анализ Л. Хэгеман также показывает, что истолкование подобных случаев в терминах *will* волеизъявления не соответствует реальности языка: объявление говорящего, облеченного властью, о бу-

дущем событии можно истолковать как простое предсказание [10, с. 132]:

'You will be my witness,' the priest said. 'I haven't been in Carmen. But if you mention me, they'll give you food.' (G. Greene).

Говорящий, который некоторым образом контролирует ситуацию, может сообщать адресату о его обязанностях или отдавать поручения, в последнем случае возможен декларатив с подлежащим в форме 3-го лица:

Your job will be to co-ordinate press publicity through the various pamphlets and magazines... (F. Forsyth).

Подчеркнем, что контекст предписания максимально приближен к функции квазиимператива, когда говорящий использует футуральную форму как смягченный грамматический синоним повелительного наклонения, т. е. его социальная роль или общий характер коммуникативной ситуации не предполагает ответного отказа или неповиновения:

"Now, you'll tell me all about Flossenburg camp, Staff Sergeant Kolb" (F. Forsyth).

Факты современного английского языка демонстрируют, что даже при употреблении «*will* + *Vinf*» для выражения специализированных *нефутуральных значений* в благоприятных условиях поддерживающего контекста может проявляться темпоральный (футуральный) оттенок значения. Лишь сочетание *will* с перфектным инфинитивом, обозначающее уверенное предположение на основе «предварительного знания о субъекте-подлежащем» [5, с. 200 – 201], исключает отнесение действия к будущему:

I read the statutes each night before I go off to sleep. It's all in safe hands. You can be sure of that. Now you'll have been getting impatient to see my exhibits. That's something more interesting for you (C. Snow).

В сочетании с простым инфинитивом *will* выражает менее уверенное предположение, при этом верификация этой гипотезы всегда относится в будущее, что придает ситуации некоторый, достаточно слабый оттенок футуральности:

'We are going to let him see some of the material you deal with, of course, only enough to establish the fact that we cooperating – in a sort of way.'

'He'll know more than we do about Zaire.' (G. Greene).

Подобные примеры эксплицируются следующим образом: “During our future meeting it may turn out that he knows ...”, то есть, при подтверждении гипотезы факт «знания» будет иметь место и в будущем. Ситуация, предполагающая необходимость проверки, актуализирует элемент потенциальности, когда кто-либо из участников коммуникативной ситуации заинтересован в подтверждении гипотезы. Так, в следующем примере субъект речи вполне мог сообщить о наличии статьи в подшивке, используя форму настоящего времени, однако он имплицитно подразумевает необходимость активных действий, для того чтобы убедиться в правдивости своих слов, и форма со стяженным *will* обозначает именно обнаружение нужного материала как результат поиска:

'Sure. If it happened since 1950 when we started the cuttings library, it'll be there' (F. Forsyth).

Известно, что при использовании сочетания *will + inf.* в научном дискурсе временная отнесенность становится неопределенной и футуральное значение нейтрализуется; таким образом, данное сочетание можно свободно заменить на презентную форму (ср. *Oil will float on water = Oil floats on water*). Л. Хэгеман делает следующий общий вывод: *will* может использоваться для обозначения вневременных явлений при условии, что их можно проверить экспериментально [10, с. 43]. Зарубежные исследователи определяют такую функцию, как использование будущего для выражения «общих истин» (в формулировке Р. Ультана) или «вечных истин» (С. Флейшман), т. е. *will* с инфинитивом в этом случае обозначают состояния и события, которые существовали в прошлом, существуют в настоящем и будущем.

Дж. Байби и У. Пальюка полагают, что такие высказывания можно считать равнозначными предсказанию (основанному на прошлом опыте), хотя и не обязательно – предсказанию будущего. Между двумя этими предсказаниями – о будущем и об обобщенном факте – существует небольшая дистанция, но часто «вневременной характер» таких высказываний может вноситься скорее контекстом, чем показателем будущего [7, с. 120]. В нашей выборке отмечен перенос этой специфической функции, проявляющейся, как правило, в специальном дискурсе, на употребление в обычной повседневной речи:

You are on the road. Africa's the thesis, Hegel would say. You belong to the antithesis – but you are an active part of the antithesis - you are one of those who will belong to the synthesis (G. Greene).

Д. А. Штелинг также полагает, что при таком использовании сохраняется свойственные английскому футуруму с *will* значения «следствия предопределяющего фактора и предсказуемости» [5, с. 209].

Способность сочетания «*will + inf.*» обозначать действия, происходящие как в настоящем, реализуется при отсутствии четкого последовательного временного противопоставления. Непоследовательное противопоставление относится к «частичному снятию временных различий в высказываниях, выражающих обычное, неизбежное действие или состояние лица, т. е. в высказываниях со значением настоящего обобщенного», например *Beauty will buy no beef* [3, с. 89]. Поскольку *вневременность* всегда включает в себя момент речи, она также может быть названа обобщенным настоящим. В это понятие включаются также элементы и прошлого и будущего; обобщенное настоящее может беспредельно простираться в обе стороны от точки момента речи. И хотя ведущим признаком в таких примерах, как и в случаях полной нейтрализации темпорального признака будущего, является модальный, тем не менее «временной семантический признак будущего не полностью исключен из семантической структуры формы», можно говорить лишь о его частичной нейтрализации [там же, с. 96], причем противоречие между значениями обобщенного настоящего и будущего времени «преодолевается с участием модальности» [1, с. 168].

Нейтрализация оппозиции настоящее / будущее чаще всего возникает при языковой реализации характеристики субъекта, когда предикат приписывает

субъекту или некоторое характерное свойство, проявляемое им постоянно, или указывает на типичные для этого субъекта действия / состояния. Значение характерного свойства, типичного поведения субъекта часто осложнено дополнительными модальными оттенками. Если в первом из приведенных ниже примеров говорящий на основе своего опыта характеризует некую группу субъектов, то в следующем – уже усматривается оттенок намерения:

... old priest ... had explained to him: 'They will always tell you they are poor, starving, but they will always have a little store of money buried somewhere, in a pot' (G. Greene).

'Jago. I've got nothing against him,' said Nightingale.

'People will feel there are certain objections,' Brown reflected.

'Some people will object to anyone' (C. Snow).

В этих случаях временная отнесенность характеризуется неопределенностью, поскольку данное типичное действие может реализоваться как в настоящем, так и в любой момент времени в будущем (см. наречие *always* в первом примере).

Такая ситуация с «двойной временной перспективой» в некоторых случаях представляет собой осложнение обобщенного темпорального контекста возможностью осуществления конкретного будущего действия в конкретных условиях для индивидуально-го субъекта.

Of course, there would be resemblances between any elections to the Mastership; take a dozen men, ask them to elect their own head and they will go through the same manoeuvres as we were going through now... (C. Snow).

В данном контексте важным фактором является характер *референции имени*, занимающего позицию первого актанта при реализации пропозиции. Общая референция относит суждение автора к определенному классу объектов, имеющих типичные, хорошо известные говорящему свойства, что делает действия представителей этого класса предсказуемыми в будущем на основе многократно совершенных аналогичных действий в прошлом и настоящем.

Поскольку содержанием предложения с формой будущего часто является прогноз, логический вывод или предвосхищение чего-либо, что будет иметь место после настоящего, такие умозаключения, как правило, строятся на основе анализа настоящей ситуации или событий прошлого. Будущее непосредственно вытекает из настоящего, являясь его следствием, что (как показывает материал) вполне осознается и самими говорящими. Однако, учитывая условность традиционного разделения временного поля на три сектора и наличие комплексных связей между ними, реальная картина отношений между настоящим и будущим представляется более сложной. Ученые неоднократно отмечали проблематичность определения момента «окончания настоящего» и «начала будущего», поскольку само понятие настоящего как референта в лингвистике весьма расплывчато и даже противоречиво. Это особое отношение настоящего и будущего достаточно ярко проявляется в контекстах, актуализирующих аспектуальный оттенок начинательности у форм будущего.

В основе предложений с формами будущего с таким значением лежит пропозиция, предполагающая фактивность. В таком случае имплицитруется некоторое событие (или действие), совершение которого каузирует новую ситуацию или существенное изменение в ситуации, следующее по времени за этим событием. Событие может выводиться из самого предиката, если он обладает соответствующими свойствами семантики, или же получить выражение в дальнем контексте.

Наиболее показательным лексическим контекстуальным средством актуализации этого оттенка является наречие *now* и союз *now that*, указывающий на определенное событие – причину изменения ситуации, это изменение проецируется далее в будущее. Форма будущего отсылает в таком случае к некоторому важному изменению для субъекта, на начало новой ситуации, распространяющейся в будущее на неопределенный срок. Нам кажется, что употребление формы будущего в таком случае акцентирует основной временной пласт, в котором должна реализоваться новая ситуация в восприятии говорящего. Носитель языка, а следовательно, и языковой (= не-научной) картины мира, не делает четкого разделения на три временных плана: для него более актуально членение «раньше – позже». Настоящее и будущее в этой ситуации оказываются неразрывно связанными, но в условных отрезках прошлого и настоящего лежит лишь незначительная «часть» всего длительного действия или состояния, основная же часть его отнесена в будущее, т. е. во временной план, лежащий после некоего события, послужившего «референциальным», поворотным моментом:

'I must tell Brenda and Zita. He won't mind, will he? I mean he won't disappear from our lives now we know his secret?' (E. Waugh).

'I have a feeling they'll never fly again now.' [missiles – after destruction of the factory] – *'If the research work ... is destroyed, they'll never mount another operation in time'* (F. Forsyth).

Можно также сделать вывод о том, что во многих случаях такого типа момент, обозначенный как *now*, является началом такого отрезка времени, в котором реализуется (или не реализуется) не само действие, названное инфинитивом, а ситуация возможности/невозможности осуществления действия.

Значение начинательности достаточно ярко выступает и в речевых актах обещания с элементом отказа от прежнего действия. Использование отрицания (особенно наречия *never*) в контекстах с *now* и другими средствами актуализации значения начинательности указывает на отказ субъекта от какого-то действия, которое он выполнял до сих пор, или от мнения,

которого он придерживался, т. е. на прекращение существования некоторой ситуации, имевшей место до этого момента:

[describes the action of poison he has added to peanuts] *'A post mortem shows haemorrhage and necrosis in the liver and engorgement of the kidneys, if you'll forgive me my medical jargon. Death usually occurs within a week.'* – *'Damnation, Emmanuel, I've always liked peanuts. Now I'll never be able to eat them again'* (G. Greene).

Характерно, что в корпусе примеров из английского языка подавляющее большинство контекстов, в которых *now* актуализирует оттенок начинательности будущего, содержит отрицание (почти 90 %), тогда как начинательное значение русского сложного будущего сопровождается отрицанием менее чем в половине случаев. Таким образом, данный контекст в английском языке чаще передает оттенок невозможности или ненужности осуществления действия, как результат некоторых изменений в прошлом:

Mr Halliday said, 'I have a little present. A copy of that Trollope you asked for. You won't need a second copy now. It's a long book, but there'll be a lot of waiting.... It's called The Way We Live Now' (G. Greene).

Начинательность при наличии отрицания в английском языке вполне может быть актуализирована не только темпоральным наречием *now*, но и лексическим контекстом, указывающим на некоторое принципиальное для говорящего изменение ситуации, которое вынуждает его пересмотреть свое отношение к участникам ситуации. Средства лексического контекста содержат указание на различия между временными планами, т. е., между тем, что было ранее, и тем, что есть теперь и будет отныне, ср. в следующем примере *the same* с отрицанием:

It's bad enough having people with cranky opinions in the college, saving your presence, Eliot, but it's a damned scandal when they interfere with serious things. It's a damned scandal. I shall never think the same of Pilbrow (C. Snow).

Складывание аналитической формы в системе языка – длительный и сложный процесс, проходящий ряд ступеней без четких границ. Определить момент завершения этого процесса весьма непросто, что объясняется наличием в языке образований переходного характера, осложненных внутренними противоречиями. Динамическое взаимодействие модального и темпорального компонентов семантики глагольных форм и сочетаний является одним из тех «участков напряжения», преодоление которых ведет к качественному изменению системы языка.

Литература

1. Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола: значение и употребление / А. В. Бондарко. – М.: Просвещение, 1971.
2. Иванова, И. П. Вид и время в современном английском языке / И. П. Иванова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
3. Комогорцева, В. М. Типы временной характеристики сочетаний *shall* и *will* с инфинитивом в современном английском языке / В. М. Комогорцева // Вопросы романо-германской филологии. – Вып. 2. – Иркутск, 1966.
4. Кошечкина, И. Г. Сравнительная типология английского и русского языков / И. Г. Кошечкина, Ю. А. Дубовский. – Минск, 1980.

5. Штелинг, Д. А. Грамматическая семантика английского языка (фактор человека в языке) / Д. А. Штелинг. – М.: МГИМО: ЧеРо, 1996.
6. Bodelsen, C. A. The system governing the Use of the Future Shall and Will / C. A. Bodelsen // Bodelsen Studies, Essays and Papers presented to C. A. Bodelsen on his 70th birthday. – Copenhagen: The Nature Method Centre, 1964.
7. Bybee, J. L. The evolution of future meaning / J. L. Bybee, W. Pagliuca // Papers from the 7th International conference on historical linguistics. – Amsterdam, Philadelphia, 1987.
8. Fleischmann, S. The future in thought and language: Diachronic evidence from Romance / S. Fleischmann. – Cambridge, 1982.
9. Fries, C. C. The expression of future / C. C. Fries // Language. – 1927. – N 3.
10. Haegeman, L. The Semantics of Will in Present-day British English: A Unified Account / L. Haegeman. – Brussels: Paleis der Academiën, 1982.
11. Wekker, H. Chr. The expression of future time in contemporary British English: An investigation into the syntax and semantics of five verbal constructions expressing futurity / H. Chr. Wekker. – Amsterdam; N. Y.; Oxford: North-Holland, 1976.

Информация об авторе:

Логунов Тимур Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ, 8 905 917 69 87, tlogunov@mail.ru.

Logunov Timur Aleksandrovich – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages of the Faculty of History and International Relations of KemSU.